

Тржд. — 1991. — 39 эк.

И ВСЕХ, КОГО ЛЮБИЛ...

Встреча с Михаилом Козаковым в Тель-Авиве

ДИЗЕНГОФ — центральная улица Тель-Авива. Длинная, шумная, веселая, с массой призывных витрин, расставленными на тротуарах столиками кафе, нищими скрипачами в костюмах фабрики «Большевичка» и, конечно, ярко расцвеченными афишными тумбами. И вдруг посреди этого легкомысленного праздника с одной из афиш — острый взгляд грустных и таких знакомых глаз. И ничего, что слова написаны по-непонятному. Лицо Михаила Козакова известно без подписей.

Израильяне очень гордятся, что артист поселился в Тель-Авиве. Все. И те, кто приехал недавно (для них он — символ родной культуры), и те, кто не имеет к Союзу никакого отношения (для этих он — престижная знаменитость, доказательство высокого уровня культуры местной).

И хотя Михаил Михайлович уже выступал в Израиле с чтением русских стихов и прозы, хотя и устаивался аншлагов, но, как мне показалось, все ждут главного события его новой израильской карьеры — премьеры «Чайки» в Камерном театре, где М. Козаков выйдет в роли Тригорина. Ждут не просто с интересом, а с каким-то чуть ли не спортивным азартом, ибо Тригорин будет говорить на... иврите!

— Как же вы на это решились? — спросил я у Михаила Михайловича, когда мы поздно вечером после очередной репетиции устроились пить чай на широком балконе его квартиры в самом центре Тель-Авива.

— Я ехал сюда играть по контракту в русскоязычном театре «Гешер». Но перед самым отъездом из Москвы меня нашел там Юрий Хилькевич, бывший заместитель директора Малого театра. Звонит и спрашивает: а почему бы тебе не сыграть Тригорина в Камерном на иврите? Я совершенно растерялся. Подумал, что он меня разыгрывает. А Юра спокойно продолжает: ведь Селезнева играет. Чем ты хуже?

И тут я вспоминаю, что талантливая русская актриса Ирина Селезнева, игравшая в Малом драматическом театре у Льва Додина, переехала недавно с мужем в Израиль и, выучив иврит, стала «звездой» первой величины.

Я не стал спешить с ответом на предложение Хилькевича, но не забыл о нем. В сущности, передо мной было два пути: играть по-русски для части израильской публики — выходцев из Союза или взяться за язык и сразу выйти ко всем израильским зрителям. Это принципиальное различие. И хотя второй путь неопытно сложнее, я в конце концов подписал контракт с Камерным.

Но решить — одно, а осуществить — другое. Иврита до того я не знал. Да и сам этот язык для нас необычайно труден: другая речевая структура, другая артикуляция, наконец, письменность. Пишут справа налево, да еще поначалу казалось какими-то «рыболовными крючками». Словом — кошмар! И тем не менее 9 июля я сел учить

язык, а к 1 октября должен был быть готов к приезду режиссера Бориса Морозова. Меньше трех месяцев. Иногда казалось, что сойду с ума. Я ведь никаких иностранных языков не знаю...

Конечно, были периоды отчаяния. Ведь надо играть по-настоящему. Тут нельзя просто выучить незнакомые словосочетания и повторять их, как полка-дурак.

Но недаром говорят, что на этой древней земле нередко случаются чудеса. И вот чудо случилось. Не знаю, как я сыграв премьеру 4 декабря, но за то, что каждое произнесенное мною слово будет осмыслено и пережито, ручаюсь.

— Значит ли это, что вы отказались от русской языковой стихии?

— Ни в коем случае! Не собираюсь уходить из одного языка в другой. Я уже сделал несколько программ на русском языке. Собираюсь выступать с моноспектаклем по стихам Иосифа Бродского. Пишу статьи. Очень тянет писать прозу, но пока сам себя останавливаю — хочу глубже понять страну и ее проблемы. Написал главу в книгу воспоминаний о замечательном историке Натане Эйдельмане. Собираюсь писать о Давиде Самойлове — большом и прекрасном поэте, моем недавно ушедшем друге...

— Вы считаете, что у русско-го театра здесь есть будущее?

— Думаю, есть. Ведь очень многие иммигранты до конца дней своих будут продолжать тяготеть к русскому языку. Дети, внуки — дело другое.

К тому же теперь, когда восстановлены дипломатические отношения, когда общение между странами обретает нормальные, цивилизованные формы, можно ведь наладить прекрасный культурный обмен. Сюда могут приезжать играть наши лучшие актеры. Режиссеры уже ездят: только в данный момент в Израиле находятся Юрий Любимов, Марк Захаров, Борис Морозов, Евгений Арье, Семен Злотников...

— Как вам теперь, после этих первых нескольких месяцев пребывания в Израиле, видится ваше решение об отъезде из Союза?

— У нас ведь как было принято: уехал — значит предал, значит как минимум не любит Родину. Но, прожив 56 лет в России, я постепенно пришел к выводу, что люблю ее по-лермонтовски «странно любовью». Вот комментатор Владимир Познер, выступая в Москве по телевидению, бросил в мой адрес, что, мол, «так называемые интеллигенты» всегда брюзжали на Россию. Ну, хорошо. Предположим, я — «так называемый интеллигент». А Лермонтов? А Сухова-Кобылин — представитель рода юриковичей? А сложные отношения с Россией Александра Сергеевича, Антона Павловича? Они-то ведь уж точно не «так называемые».

В действительности все очень индивидуально. Если бы я был политиком и историком или бизнесменом, я бы никогда не уехал из России. Было бы поле деятельности. Я бы, скажем, подни-

мал русский бизнес. Вы спросите, почему бы не поднять русскую культуру? Я ее поднимал. То есть участвовал в этом по мере сил.

В застойные времена, когда живое слово душилось, я считал своим гражданским долгом любыми способами вынести на сцену именно это живое слово, превозможь запреты. Я читал Бродского, Ахматову, Мандельштама. Я писал о том, о чем было нельзя писать. И люди ждали этого.

А в последнее время я выходил на сцену и чувствовал, что людям не до этого. Думал, можно ведь говорить о вечном, о красоте, о любви. Этого так не хватает в жизни. Но удивительным образом даже слова о любви не воспринимаются сегодня со сцены. Наверное, потому, что для того, чтобы любовь и красота дошли до сердца человеческого, надо это сердце хоть немного успокоить. Я уж не говорю, что бы обладатель его был сыт и не испытывал элементарного страха за завтрашний день.

Да, я сам, сидя в Москве перед телевизором, ловил себя на том, что никак не могу сосредоточиться, прыгаю с программы на программу, чтобы узнать, что будет завтра с нами, со мной, с моими детьми...

У меня есть друзья-публицисты, которые живут очень трудно, но борются, пишут, что-то доказывают. Они нашли свой азарт, и это прекрасно. Я никогда не был политиком и не способен к подобной борьбе. Если бы меня, не дай бог, выбрали в Верховный Совет, я бы там обязательно умер. Если не от ненависти, то от скуки.

Я чувствовал, что перестал нести людям со сцены откровение, как бы перестал исполнять свой художнический долг. Они и без меня все прекрасно знают. Как в том анекдоте: чекисты ловят человека, расклеивающего листовки, и вдруг обнаруживают, что на бумаге ничего не написано. Как же так? А что писать? И так все понятно!

Работать только ради денег — гнусно. Еще противней, когда клянутся в верности родине и при этом так и норовят куда-нибудь махнуть за границу, зарабатывать валюту. Только вернутся

откуда-то, сразу навостряются дальше. Я так не умею. Это уничижительно.

Промучившись довольно долго всеми этими терзаниями, мыслями, я и решил поехать в Израиль — поработать, пожить в другой обстановке. Не последнюю роль сыграли и личные обстоятельства. У меня растет двухлетний сын. Его мать — еврейка, и я хочу, чтобы он вырос в Израиле. Сам-то я здесь, как вы понимаете, считаюсь русским. (Действительно, мама Михаила Михайловича — обрусевшая гречанка, отец — известный в 20—30-х годах писатель, по национальности еврей. А по израильским законам национальность человека определяется по матери. — З. Н.).

Но я не собираюсь рвать связи с Россией. У меня не просто формально сохранился советский паспорт. Я теперь воистину человек с двойным гражданством. Там, в России, — часть моей души, моей жизни, мои дорогие друзья. Наконец, мои старшие дети и внуки, и всех их я очень люблю.

Как раз сегодня я обсуждал возможность стемок совместного советско-израильского фильма. Буду искать любой повод для расширения культурных связей.

В израильской русскоязычной прессе было опубликовано ваше сердитое письмо в связи с прозвучавшим в «Кинопанораме» сюжетом по поводу вашего отъезда...

— Когда я посмотрел по ЦТ «Кинопанораму», где мой отъезд в Израиль явился поводом для разговора на волнующую многих тему эмиграции, не скрою, был взволнован, огорчен. Но главное — поражен. Не меньше неприятных чувств доставила мне и другая передача, снятая тележурналистом Димой Крыловым.

Дима пришел ко мне на Ордынку в день нашего отъезда из Москвы, и его видеокамера зафиксировала разорванный дом, пустые стены, разбросанные детские игрушки и вынос чемоданов. Кинодраматург Виктор Мережко и режиссер Ксения Маринина приехали с видеокамерой прямо на вокзал. Меня провожали близкие, друзья, и легко догадаться, что и этот эпизод шел не на слабом эмоциональном накале.

В результате получилось, что эти мои бывшие коллеги воспользовались моей предостерегающей растерянностью, доверчивостью, а теперь, понимаю, — и глупостью. Были впущены туда, куда, конечно же, их впускать не следовало. Подсмотрели с моего разрешения в глазок видеокамеры то, что дается кровью и слезами, и выпустили это на свет со своими комментариями. Из моих ответов на вопросы, откровений, мыслей и фраз было выбрано то, что понадобилось для их концепции на тему эмиграции или репатриации. Ни Крылов, ни Мережко при этом не посчитали обязательным предупредить меня о предстоящем монтаже, о том, с какими еще кадрами или комментариями они меня будут «компоновать».

Получилось, что я стал для авторов лишь поводом и примером того, как не надо поступать артисту и гражданину. И заговорили они на телеэкране не сами, а устами Владимира Познера. Чего стоит хотя бы такое его рассуждение: «Если бы Козаков поехал за рубеж самоутвердиться, укрепиться, подзаработал бы там валюты и вернулся, — я бы это абсолютно понял и принял...»

Жаль. А мне казалось, что прежние времена подтасовок и такого рода телевизионных монтажей, когда могли любую твою фразу вырвать из контекста, смонтировать с чем угодно и тем самым вывернуть наизнанку смысл сказанного, превратить белое в черное и наоборот, — канули в вечность.

— Приехав в Израиль, вы не просто оказались в другой стране, но приблизились к местам, по которым ходили когда-то пророки иудаизма, христианства, мусульманства. Каково ваше отношение к религии?

— Я человек религиозный, верю в Бога. Но Бога единого. Богоискательство Льва Толстого мне ближе, чем богоискательство Ф. Достоевского. Приехав в Иерусалим, я поставил свечу в храме Гроба Господня и вложил записку в Стену Плача.

Вообще, надо вам сказать, тут удивительная земля. Живя в России, думаешь, что Христос был очень давно — так давно, что может быть, его никогда и не было. А приехав сюда, пройдя по Гефсиманскому саду, войдя в пещеру в Вифлееме, понимаешь, что христианство — очень молодая религия. Что задолго до Христа здесь жил Авраам с его хихикающей старухой, рожающей в 90 лет. Ощущаешь близость истории, связь с ней. И это тоже чудо.

— Пятый месяц вдали от Москвы. Ностальгия не мучит?

— Мне здесь жутко интересно. Я с жадностью изучаю историю, не известную мне раньше культуру. Знакомлюсь с людьми. Мне давно не было так интересно жить на свете. Я уже думал, что все прожито, что многое знаю. Оказалось, что ни черта не знаю!

Вдруг обнаружил, что мне нравится жить в маленькой стране. А кто-то мечтает о Нью-Йорке. Все индивидуально. Знаете, как у И. Бродского: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря».

Ностальгия? Она у меня была давно. Еще в Союзе. Ностальгия по атмосфере молодого «Современника», молодых наших заблуждений. Меня там преследовала ностальгия. По ушедшим друзьям: Павлу Луспекаеву, Олегу Далю... Я не мог видеть, как богатые богатеют, а бедные беднеют. Как мы становимся невнимательными, равнодушными друг к другу.

Впрочем, конечно, мне очень не хватает дорогих сердцу людей. «И всех, кого любил, я разлюбил уже не в силах», — сказал когда-то Давид Самойлов.

Я тоже не в силах.

З. НАЛБАНДЯН,
спец. корр. «Труда».